

Художник и тишина

Ю.И. Куликов: «Я ведь даже довоенные демонстрации хорошо помню, парады наши. Один мне запомнился до деталей. На площади, где сейчас памятник Ленину, стоял собор. Свежая дощатая трибуна из светлого, яркого тёса. На ней – комбриг Гай в длинной шинели с орденом на красной розетке. Принимал парад, посвящённый годовщине освобождения Симбирска, какой – не скажу... 10-летию, наверное. Проходили наши войска, тащили с собой всё, вплоть до полевых кухонь, чтобы показать мощь нашей армии. И мы, мальчишки, всё излазили, в пушки заглядывали, а пушки-то были, Господи! Несчастные сорокапятки. Вообще праздники довольно шумные

Юрий Иванович Куликов родился в 1924 году в Симбирске, в самом центре города – на перекрёстке улиц Гончарова, тогда К. Маркса, и Ленина, в здании старой почты, что была на месте дома с «аквариумом». Жил и в Германовском переулке, рядом с собором. В Ульяновске прошли его школьные годы, здесь началось увлечение живописью. В 1941 году в квартиру Куликовых подселили эвакуированную из Москвы семью знаменитого художника Александра Викторовича Моравова. Он первым распознал в мальчишке талант. «Давай, Юра, занимайся!» – сказал академик. Но Юра в 1942-м убежал на фронт. Война для него окончилась лишь в 1949-м, потом была учёба в Нижнетагильском художественном училище. Юрий Иванович вернулся в Ульяновск. Жил и работал, растил детей, рисовал, участвовал в выставках, писал стихи. Его жизнь завершилась в ноябре 2000 года. Вся биография, уложившаяся в несколько строк, и такая долгая – беспощадно простая и мучительно сложная – в «обойме воспоминаний», той, что «Неотвратимостью удара // Напоминает, бьёт в висок».

Попробую воссоздать образ Юрия Ивановича, моего отца, через выдержки из очерков разных лет.

На рубеже прорыва. 1978

были – по сути, единственное развлечение! Даже радио было редкостью. Кинокартины шли по 1,5 месяца, конечно, только наши, отечественные – в «Художественном». Кинотеатров было немного. <...> Иной раз окончишь работу и едешь не домой, а по тем местам, где жил. А жил в переулке Гоголя, где Германовский собор стоял... Помню, как службы там шли. Потом закрыли, он стоял мрачный, неосвещенный, а потом начался грабёж. Как сейчас вижу один день, когда были все двери распахнуты, из собора лезли мужики, тащили доски какие-то – от иконостаса, что ли? Мужик из подвала вылезает, тащит две доски, закруглённые с одной стороны, такой довольный: «На салазки пригодятся», – говорит. А потом... сбрасывали сверху колокола, и вот они бухали! Особенно меня поразило, когда один колокол, главный-то, упал, и откололся огромный овальный кусок. Меня потрясло это: он же, во-первых, толстый, а во-вторых, бронза чистейшая, и освещение сильное было – икрился осколок этот, как золотой. А потом, как колокола сняли, начальство понаехало в автомобилях, сбросили и колокольную. А высокая, красивая была стрельчатая колокольная, с крестом. Она упала вдоль переулка Германа, вдребезги разбитая. И начали свозить со всей губернии на возах архивы с дворянских усадеб. Горы всего были. <...> Мы, мальчишки, рылись в этих грудах, растаскивали кое-что, особенно книги амбарные. Чистые, с хорошей бумагой...»

Е. Аксёнова.

**Поминальным огнём свечи.
«Симбирский курьер»,
19 декабря 1995 г.**

Рассказывает **Олег Куликов**: «Рисовать он начал рано. Немало тому способствовала общая тяга к творчеству, царившая в многодетной семье родителей, выходцев из крестьян. Один из его четырех братьев, Евгений, стал, как и Юрий, профессиональным художником; другой, Григорий, – изобретателем оружия: принимал участие в создании известного пистолета ТТ; третий и четвёр-

тый рисовали просто как любители. Время жестоко обошлось с братьями. Только отца миновали репрессии. Старшего брата Григория забрали прямо из КБ Токарева: приговор – 10 лет без права переписки – означал расстрел. Средний брат Евгений работал художником сначала в ульяновской, а затем в магнитогорской городской газетах. Осуждён в 1939 году как троцкист, пропал без вести. Дяде Вите относительно повезло. Арестовали в 1939-м, но через год неожиданно выпустили, он уехал в Ижевск, учительствовал, стал директором школы. Позже, бывая в Ульяновске, обязательно ходил к старому зданию первой школы, в подвале которой в те людоедские времена находились камеры предварительного заключения.

«Большое влияние на становление Куликова-художника оказал ульяновский скульптор Григорий Васильевич Васильев, стоявший у истоков областного отделения Союза художников. В то время он руководил кружком рисования во Дворце пионеров, который любил посещать Юра. Занимались серьёзно, по академической программе: рисовали с гипсов и с натуры, обучались композиции, осваивали технику акварели и масляной живописи.

Юношей Куликов твёрдо решил посвятить свою жизнь искус-

ству. И вдруг роковая весть о нападении фашистской Германии на Советский Союз. В то время он окончил девятый класс...»

И. Хмарский.

**И художник, и воин.
«Ульяновская правда»,
15 сентября 1984 г.**

Ю.И. Куликов: «В Ульяновск в 1941 году эвакуировали огромное количество организаций, прибыли известные люди, всё церковное руководство страны во главе с митрополитом Сергием. Я был свидетелем, как архимандрит (запомню его имя) на старом вокзале поставил на колени несколько маршевых рот и благословлял их перед отправкой на фронт. На проповедях он немалые деньги в фонд обороны собирал...».

А. Николаев.

**Обоймою воспоминаний
стреляет прошлое в упор.
«Народная газета»,
28 сентября 1999 г.**

Ю.И. Куликов: «Уезжали из Ульяновска ночью. Провожала мать, отец умер год назад. Незаметно сунула в сидор бутылку водки, которую у меня тут же отобрали старики: «Рано тебе пить!» Вагон для перевозки скота. Нара, палаты в три яруса. Туалет через щель в двери. По-серьёзному – жди остановки... Через неделю слышали далёкий грохот – приближался фронт. <...> Вскоре я попал в танковый десантный батальон, сформированный под Москвой. С новой обстановкой освоился быстро. И вот первый его бой в декабре 1942 года. Батальон направили на прорыв фашистской обороны. На броне танка – дюжина десантников, среди них за башней я. Вокруг разрывы мин и снарядов, подожжённые танки. Внезапно провал в сознании, а сам уже лежу на земле, оглушённый и растерянный с пронизывающей всё тело болью. Позже узнал: прямо в люк танка попала немецкая мина...».

На всю жизнь запомнились ему бои на Курской дуге. На этот раз Куликов был зачислен в зенитный полк, приданный 3-й

гвардейской танковой армии генерала Рыбалко. Погожее утро 6 июня 1943 года очень скоро превратилось в кромешный ад. Дым и пыль от рвущихся снарядов, мин и бомб застлали солнце, всё вокруг потемнело, как во время затмения. Кругом лишь вспышки взрывов, грохот артиллерии, гул своих и вражеских самолётов... В первый же день стволы 37-миллиметровых зениток, стрелявших без передышки, расплавились, как воск, и их пришлось заменить.

Сейчас каждый школьник знает, чем закончилась гигантская битва на Курской дуге. Для Ю.И. Куликова это не история, а собственная биография...

И. Хмарский.

**И художник, и воин.
«Ульяновская правда»,
15 сентября 1984 г.**

Ю.И. Куликов: «И жуткие же были картины – ну как их в живописи изобразить? Рассказывать об этом, вспоминать – и то не хочется. Ну вот картина: в лесу воинская часть пряталась. А немцы разнюхали как-то про этот лес, бомбёжка, всё такое. ... Мы проходили там. Весь лес увешан человеческими останками, и убитые лежат – раздетые: взрывная волна ведь человека буквально раздевает. Что здесь может сделать художник? Войну вообще нельзя изобразить, я сам пришёл к такому выводу, почему и бросил заниматься военной темой. А мучился очень долго. Почему стихи начал писать? Чтобы освободиться. Мучаешься, а стихи напишешь – вроде освободился и легче...»

Е. Аксёнова.

**Помню, помню свет свечи.
«Санкт-Петербургский курьер»,
19 декабря 1995 г.**

Ю.И. Куликов: «Много легенд, романтического флёра вокруг штрафных рот, батальонов... На фронте всё было гораздо проще и страшнее. Первый раз я увидел штрафников в деле в Померании. Больше всего меня удивляло то, что эти ребята из такого города-крепости и ничего не могла сделать. Раньше была, по-года дрянь, постоянные гонимы.

Тишина. Берлин. 1974. УОХМ

авиации нет. Немцы подготовились основательно – доты, надолбы, толстенные стены старинных домов. Дрались ожесточённо. ...И тут пронёсся слух: «карачевцы» идут (штрафники, отличившиеся под Карачевым). Шли они долго. Какая там рота! Все в валенках, а на дороге грязь со снегом, кто в шинелях, кто в ватниках. Какая-то страшная решимость, сила исходили от этих солдат. В бой их бросили прямо с марша, и через день город пал. А потом несколько дней мы выводили «карачевцев» оттуда.

Самый уважаемый трофей для солдата – спиртное. Штраф-

ники нашли в одном подвале огромный винный склад. Естественно, воспользовались от души его содержимым. Когда же их стали выводить, от досады из пулемёта расстреляли огромные бочки. <...> Вино не просто залило полностью подвал, но и стояло на входе в подземелье...

А через месяц я сам оказался штрафником. Дело было так. После дежурства я спал в землянке, когда там произошла ссора и ребята убили старшину. Не знаю, за что и как. Особисты разбираться не стали – всех, кто был в землянке, отправили в штрафную. Утром нас вывели к зданию костёла или

замка, где засели немцы. Площадь буквально завалена трупами. Пулемёты секут, взрывы, ад. По свистку бежим в атаку. Заскочил внутрь, куда-то стрелял, всё как во сне. Это в кино рукопашный бой такой красивый... Потом был удар. Очнулся, когда санитар бинтовал мне разбитую прикладом голову. Воевали в штрафной до первого ранения, через день я был уже в своей части, некоторые и отсутствия не заметили. Считаю, повезло».

Лидия Пехтерева.
Выжил в штрафной роте.
«Симбирский курьер»,
29 апреля 2010 г.

«В конце войны судьба забросила Юрия Куликова в пограничный полк, с которым он дошёл до бывшей Восточной Пруссии, участвовал во взятии Данцига (ныне Гдыни), Сопота и других городов. Войну закончил в Берлине – во дворе рейхсканцелярии, которую временно охранял его полк после капитуляции гитлеровцев. Видел многое, в том числе и обгоревший труп Геббельса...».

И. Хмарский.
И художник, и воин.
«Ульяновская правда»,
15 сентября 1984 г.

«О том, как они это пережили, ярче других говорит полотно под названием «Тишина. Берлин». Покрытые туманом улицы разгромленной немецкой столицы, по которым пока ещё с осторожностью идут солдаты – не верят в то, что война окончена...».

Лидия Пехтерева.
Выжил в штрафной роте.
«Симбирский курьер»,
29 апреля 2010 г.

Рассказывает **Олег Куликов**: «Вначале было стихотворение. Отец как-то прочитал мне его и спросил, не слишком ли реалистичным оно получилось, пропустит ли цензура (он готовил подборку в сборник). Зная, что все стихи у него имеют какой-то конкретный посыл, я попросил рассказать историю создания. Отец достал фотографию.

– Это Полесье, Западная Украина, 1947 год. Я крайний

Западная Украина, 1947. Юрий Куликов справа. Встреча с земляками. Через несколько дней все они погибли

справа, с ППС на плече. После трёх лет фронта, после Победы, Берлина, Германии мне дали недельный отпуск, а по возвращении я попал в разведроту, которая в составе частей II Белорусского фронта была направлена на Западную Украину для борьбы с националистами. Вот тут-то и началась моя вторая война – жестокая, подлая, из-за угла. Сколько ребят, прошедших фронт, мы потеряли в этих грабовых лесах! На этой фотографии все ребята из Ульяновска. Новое пополнение, необстрелянное. Кто-то из города, но в основном из деревень. Не помню ни имён, ни фамилий. Помню, расспрашивал их об Ульяновске, искал общих знакомых.

А через неделю их не стало. Было это так. Поступила информация, что на хуторе располагалась на ночлег большая группа оуновцев. Приказ: произвести разведку, в бой не вступать. Вышли в ночь. Я замыкающий, старшина впереди.

Через пару часов забрежали собаки... Несколько хат, ни огонька... Впереди я увидел решётку плетня. И тут тишину распорола пулёмётная очередь. Звук этого немецкого скорострельного пулёмёта помню до сих пор. Автоматически грохнулся на землю. А ребята застыли, и вся очередь пришлась по ним. Старшина из ракетницы поджёг плетень.

Подползли ближе, увидели брошенный пулёмёт, место лёжки. Шесть человек унесла эта ночь. Наутро подошло подкрепление, атаковали и сожгли этот хутор, но там уже никого и не было. Ребят похоронили там же, на Полесье».

Ю.И. Куликов

*Отгремела передовая,
Все потери в земле зарыв,
На ходу в строю засыная,
Батальоны пошли в прорыв.
За спиною во мраке тонет
Обороны зигзаг крутой.
Ветер жёсткий позёмку гонит
По окопам передовой,
По нейтральной земле*

*изрытой,
Где, оглохшие от пальбы,
Промерзая, насквозь пробиты
Обгорелых «пантер» гробы.
И дрожит*

*сквозь метельный полог
В ледяном провале ночи
Одинокой звезды осколок
Поминальным огнём свечи.*

«Работа захватила и увлекла художника. Он участвует в юбилейной зональной художественной выставке «Большая Волга», проходившей в Волгограде в 1967 году. В тот же период его работы выставляются на 3-й республиканской выставке в Москве... Следующий – 1968 год – был не менее насыщенным в творческом плане. И как итог – вступление Куликова в члены Союза художников СССР. Военные воспоминания

нания не отпустили Юрия Ивановича и требовали выхода. А у Куликова обнаружился ещё и поэтический дар. Сын уговорил послать подборку стихотворений в газету «Литературная Россия». Юрий Иванович не воспользовался знакомством с Константином Симоновым и Николаем Старшиновым, отправил стихи самоходом. И их опубликовали. Потом в Москве были изданы поэтические сборники Куликова. Но самым значимым для него событием стал выход 12-томной антологии Великой Отечественной войны «Венец славы», куда вошли и стихи Юрия Ивановича <...>

Ещё было увлечение искусством дворника. Он стал первым и, наверное, единственным в Ульяновске дворником. Создал «Освободительный Симбирск» для областного краеведческого музея», «Пожар Симбирска» для музея пожарного дела. «Подвиг свирских героев» для краеведческого музея Димитровграда. Последняя серия его живописных работ тоже посвящена родному городу – это четыре больших полотна «История Симбирска».

А. Школьная.

*Поэзия моя, ты из окопа...
«Народная газета»,
1 октября 2009 г.*

1999 год. Юрий Ивановичу остался один год жизни.

«Ему 75 лет. Он видел смерть. Прошел войну. Рассказал войну, а сейчас врачи запрещают ему это делать: слишком сильный удар по нервам. Говорит: «Язык лезажи, что-нибудь забавное, успокаивает». Он историк, любитель в свой родной Симбирск, которому посвятил большую серию картин. Он писал его стихи печатались во многих сборниках, выходивших в различных столичных изданиях. Он не оставил Родину ради заманчивых предложений иностранцев, которые с удовольствием окунали его творчество. Он просто замечательный русский мужик – Юрий Иванович Куликов».

А. Николаев.

*Обложки воспоминаний
стреляет прицельно в упор.
«Народная газета»,
18 сентября 1999 г.*

Герой Советского Союза Владимир Николаевич Деев. 1982. УОХМ

Ю.И. Куликов

Вот так вот, дожил до седин,
А часа нет пройтись,
вглядеться
По старым улицам своим,
Ещё оставшимся от детства.
По пальцам их переберёшь,
Что уцелели в годы эти,
Поторопись: бульдозер-нож
Сметёт, никто и не заметит.
И где тот дом, где раньше жил
(А ты не помнишь

цвета ставен),
Где пел, переживал, любил
И навсегда потом оставил?
Ушёл, покинул свой порог
В тяжёлый год беды великой.
Армейским топотом сапог
Давили роты бабьи крики.
Всё было так, и мало кто
Обратный путь –

простой и сложный,
Вот так, как ты,
нашёл потом
По указателям дорожным.

«Сам художник тишину любил и предпочитал её любой шумной компании. Убегал от суеты в мастерскую или на рыбалку. Человек открытый, весёлый,

благополучный профессионал и семьянин, Ю. Куликов нёс груз военных воспоминаний, стараясь никого им не отягощать. Однако этот груз продолжал жить в нём и годы, десятилетия после победы...»

Т. Швец.

*Ты шагнул через себя, к огню.
Вступительная статья
к книге стихов Ю.И. Куликова
«Тишина»*

«Никто не рождается для войны. Ни мать, ни отец не готовят своё дитя к тому ужасу, который пришлось пережить нашим отцам, дедам, прадедам в годы Великой Отечественной. И никому из тех, кто вернулся потом к мирной жизни, не удаётся вычеркнуть войну из своей памяти. Вот и Юрия Ивановича она не отпустила до конца жизни...»

А. Школьная.

*Поэзия моя, ты из окопа...
«Народная газета»,
1 октября 2009 г.*

Материал подготовил
Олег Куликов